

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Среда, 15 сентября 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

№ 50 (686)

Ю. ОЛЕША

Заметки писателя

— 1 —

Странная вещь: хорошие книги забываются!

Их всякий раз читаешь как бы впервые. Казалось бы, если книга меня поразила, я должен запомнить ее во всех подробностях. Однако происходит обратное. Конечно, я помню сюжет, содержание, образы, но что-то забыто, какие-то места уходят из памяти. При повторном чтении они появляются неожиданно. Причем за несколько страниц до такого места я начинаю испытывать близкое к радости беспокойство. Ведь это одно из приятнейших переживаний, когда ты узнал, догадался, вспомнил!

Я множество раз читал «Палату № 6» Чехова. Но при каждом новом чтении, приближаясь к концу, я испытываю это радостное беспокойство. Я прерываю чтение и хочу вспомнить, что же мною забыто из этих последних страниц рассказа. Но вспомнить нельзя, хоть до меня издали и доходит излучение этого забытого. И только тогда, когда торопящийся глаз схватывает среди строк, до которых я еще не дошел, слово «олений», я вспоминаю: стало олений! И с необычайным удовлетворением я настаиваю это вечно ускользающее из памяти место. Как я мог забыть его? Вот оно. Это в самом конце рассказа, в изображении смерти доктора Андрея Ефимыча. Он упал, и «стало олений, необыкновенно красивых и грациозных, о которых он читал вчера, пробежало мимо него».

— 2 —

Какой тонкий мастер Чехов! Ведь это придумано — эти олени, пробегающие перед зрением умирающего. Но как хорошо придумано!

Эти несколько строк ярко характерны для Чехова. Это именно Чехов, его здесь ни с кем не спутаешь. Это его прием — внезапно в повествовании несколько поэтических строк. Может быть, этот прием и дал повод говорить о чеховских рассказах, как о рассказах «с настроением».

Внезапно открывается в повествовании светлое поэтическое окошко!

В «Учителе словесности»:

«...все сливалось у него в глазах во что-то очень хорошее и ласковое, и ему казалось, что его граф Нулин едет по воздуху и хочет вскарабкаться на багровое небо».

Чехов много думал о красоте. «Красивый» — его частый эпитет. Эти полные щемящего света окошки как бы открывает он из темной жизни его героев в мир красоты. В страшном рассказе о больнице для душевнобольных, о спивающемся докторе, о стороже, который избивает обитателей больницы, — вдруг «стало олений, необыкновенно красивых и грациозных».

Грациозный! Ведь это — чеховское слово. С особым выражением применяет Чехов также эпитет «изящный». В «Скудной истории» есть чудесное размышление об университетских садах. В них, по мнению Чехова, должны расти сосны и дубы. Высокие сосны и хорошие дубы. Потому что студент на каждом шагу, там, где он учится, должен видеть перед собой только высокое, сильное и изящное.

Он считал недоразумением, нелепой ошибкой то, что жизнь, которую он видел, была далека от красоты. Жизнь должна быть красивой. Она будет красивой. Таким оптимистическим утверждением пронизано

Издательство «Academia» выпускает «Степь» А. Чехова с иллюстрациями художницы Сарры Шор.

все творчество этого великого писателя. Просто — именно с изяществом — производит он это «будет».

— 3 —

Сосны и дубы в университетских садах. Кроме всего, это еще и художественно в высшей степени! Такой образ могла родить только очень возвышенная мысль о науке.

И затем — какое правильное распределение эпитетов. В чем красота сосны? В высоте. В чем красота дуба? В мощи. И вот Чехов говорит: высокие сосны и хорошие дубы. Отличное определение для дуба — хороший. Хороший в смысле — крепкий.

Всегда приятно размышлять о том, при каких обстоятельствах возник в мозгу художника образ, который тебе нравится. И мне представляется фигура Чехова, идущая вдоль университетской ограды в один из тех ясных дней осени, когда особенно обозначаются ставшие прозрачными деревья. Высокая, черная, чуть согбенная фигура в шляпе, с бородкой, в пенсне со шнурком. Какая это милая фигура!

Он останавливается и смотрит через ограду.

К тому, что сделает жизнь красивой, отнесил Чехов и торжество науки. Как он

желал света своей стране! Устами Тригорина в «Чайке» Чехов говорит:

«Но ведь я не пейзажист только, я ведь еще гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем, говорить о науке...».

И деятеля науки Чехов сделал героем одного из лучших своих рассказов. Доктор Дымов. Пошлая среда окружает его. Жена с любительскими спектаклями и гостями. Гости, из которых каждый считает себя необыкновенным. Никто не замечает Дымова. Даже посмеиваются над этим единственным в их среде «обыкновенным» человеком. Дымов! — называет его жена по фамилии, — Дымов! Некий Дымов, смешноватый, не модный и, как кажется гостям, скучный человек. Этот Дымов самоотверженно служит науке и умирает, заразившись дифтеритом.

Если Чехов ненавидел пошлость, то в «Попрыгунье» эта ненависть наиболее гневна. Мне кажется, что именно Дымов был для Чехова идеалом. В этом рассказе есть проповедь. Каким должен быть человек? Вот таким. Преданным делу, скромным, не слишком думающим о своей цене. Цена

Дымова стала видимой после того, как он умер. И образ вырастает необычайно в своей силе и обаянии, когда попрыгунья, потерявшая Дымова, хочет разбудить его, мертвого, и, рыдая, кричит: Дымов! Дымов! Дымов же!

— 4 —

У Чехова есть удивительный рассказ «Устрицы».

Это один из ранних рассказов. Он написан в «Будильнике» и, вероятно, подписан Чехонте.

Он ведется от лица мальчика, который стоит на улице рядом со своим отцом. Они вышли просить милостыню. Оба голодны. Мальчик видит перед собой освещенные окна трактира. Там, на стене, висит вывеска со словом «устрицы». Слово кажется мальчику странным. Он спрашивает отца, что оно означает. Отец говорит, что устрица — это животное, которое живет в море. Голодный мальчик воображает себе нечто среднее между рыбой и раком. Ему кажется, что это очень вкусное животное. Из него варят уху. Но отец говорит, что устрицы живут в раковинах, как черепахи, и их едят живыми. Это потрясает мальчика. Едят живыми? Мальчик видит сидящую в раковине и играющую челюстями лягушку. Живот-

ное представляется ему мерзким, отвратительным, но он голоден, и ему кажется, что он его ест. Мальчик громко требует, чтобы ему дали устриц. Это кажется забавным двум проходящим мимо франтам. Маленький мальчик хочет устриц! И франты ведут мальчика с собой в трактир и кормят его устрицами.

Я хочу процитировать два места из этого рассказа. Начало:

«Мне не нужно слишком напрягать память, чтобы во всех подробностях вспомнить дождливые осенние сумерки, когда я стою с отцом на одной из многолюдных московских улиц и чувствую, как мною постепенно овладевает странная болезнь». Описание нищего отца:

«Этот бедный, глуповатый чужак, которого я люблю тем сильнее, чем оборваннее и грязнее делается его летнее франтоватое пальто, пять месяцев тому назад прибыл в столицу искать должности по письменной части».

«Мне не нужно слишком напрягать память, чтобы во всех подробностях вспомнить» — это не чеховская интонация. Так же неожиданно для Чехова и это: «этот бедный, глуповатый чужак, которого я люблю тем сильнее, чем оборваннее и грязнее делается» и т. д.

Иногда кажется, что этот рассказ не мог быть написан русским писателем в 1884 году (дата написания «Устриц»). Вся манера его, фигуры, приемы относятся к будущей мировой литературе. В нем есть предсказание школ, которые появились гораздо позже. Самый сюжет — о голодном мальчике, которого кормят устрицами, — поразителен для литературы того времени. Это городская фантазия, которая могла бы притти в голову писателю, знакомому с эстетическими настроениями таких художников, как, например, Чаплин или французские режиссеры, работавшие в группе «Авангард».

Этот нищий отец «в поношенном летнем пальто и триковой шапочке», эти «два господина в цилиндре», этот голодный мальчик, которому кажется, что он ест «салфетку, тарелку, калоши отца, белую вывеску», — все это, выплывшее из-под пера молодого русского писателя в 1884 году, было первым проявлением гениальности этого писателя.